

Эпидемия. Настоящая и страшная история распространения вируса Эбола

Автор:

[Ричард Престон](#)

Эпидемия. Настоящая и страшная история распространения вируса Эбола

Ричард Престон

Как это было? Медицинские открытия, исторические факты, роковые совпадения и неожиданные закономерности

Когда случается страшная эпидемия, все мы становимся равны перед вирусом. И даже в наше время, в век высоких технологий и открытий в медицине, появление нового вируса вызывает страх и панику... по крайней мере, в самом начале. Мы не можем контролировать все вокруг, но мы должны знать, как вирусы проявляют себя, как они размножаются, где их слабые места, и как нам уберечь себя. В этой книге описывается история возникновения и распространения первого вируса Эбола, смертность от которого достигала 90 %. Она основана на реальных событиях и рассказывает, как человечество боролось с ранее неизвестной опасностью, какие шаги предпринимало, как сумело объединиться перед лицом неизвестности. Эта драматическая история – пример того, насколько уязвимыми мы остаемся до сих пор, хотя после тех событий прошло уже несколько десятилетий.

Ричард Престон

Эпидемия. Настоящая и страшная история распространения вируса Эбола

Отзывы о книге

«Поразительно... гарантированно сделает мир, в котором вы живете, более пугающим. Потрясающий призыв к пробуждению».

- Entertainment Weekly

«Самая леденящая история, какую я только читал в последние годы... яркая и кинематографичная».

- Chicago Sun-Times

«Прекрасно - и ужасающе».

- The Wall Street Journal

«Стремительный, захватывающий медицинский триллер».

- Newsday

«Ни в одном фильме не увидишь того настоящего ужаса, который описан в книге Ричарда Престона „Горячая зона“».

- Time

«Леденящая кровь история близкого знакомства со смертоносным вирусом... Абсолютно убедительный захватывающий текст, доказывающий, что правда страшнее вымысла».

- Kirkus Reviews

«Медицинский клиффхэнгер».

- The Boston Globe

«Завораживающе».

- Los Angeles Times

«Пугает и увлекает... Престон открывает реально существующий кошмар, который, возможно, так же смертоносен, как вымышленные беглые бактерии в романе Майкла Кричтона „Штамм Андромеды“».

- Publishers Weekly

«Захватывает сильнее, чем вымысел».

- Science News

Посвящается

Фредерику Делано Гранту-младшему, обожаемому всеми, кто его знал

Автор с благодарностью принимает грант на исследования от Фонда Альфреда П. Слоана

Эта книга описывает события с 1967 по 1993 год. Инкубационный период после инфицирования вирусами, упомянутыми в книге, составляет меньше 24 дней. Никто из тех, кто пострадал от этих вирусов или контактировал с зараженными, не может заразиться или стать распространителем вируса за пределами инкубационного периода. Вирусы не могут выжить во внешней среде больше десяти дней, если не законсервированы и заморожены с помощью специальных процедур и лабораторного оборудования. Ни одно из мест в Рестоне или в Вашингтоне, округ Колумбия, описанных в этой книге, не заражено и не опасно.

Второй Ангел вылил чашу свою в море: и сделалась кровь как бы мертвеца

- Откровение 16:3

К читателю

Эта книга – не вымысел. История реальна, и люди реальны. Иногда я менял имена персонажей, в том числе Шарля Моне и Питера Кардинала. Я указываю в тексте, если имя изменено.

Диалог написан по воспоминаниям участников и многократно перепроверен. В некоторые моменты повествования я описываю ход мыслей человека. В этих случаях мое повествование основано на беседах с участниками событий, часто неоднократных и сопровождавшихся проверкой фактов, которая помогала подтвердить воспоминания. Если вы спросите человека: «О чем вы думали?», ответ может быть куда богаче и рассказать о состоянии человека больше, чем способен придумать и записать писатель. Я пытаюсь за лицами людей увидеть их мысли, а за их словами увидеть их жизнь, и то, что я нахожу, поражает воображение.

Ричард Престон

ЗОНА ЗАРАЖЕНИЯ

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН

ДЛЯ ВХОДА ПРИЛОЖИТЕ ПРОПУСК К СЕНСОРУ

ЗАКРЫТО / ОТКРЫТО

ОБРАБОТКА...

ДОСТУП РАЗРЕШЕН...

ПОМЕЩЕНИЕ АА-5

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ:

ПОЛКОВНИК НЭНСИ ДЖАКС

ИССЛЕДУЕМЫЕ ВЕЩЕСТВА:

НЕИЗВЕСТНО

ПРОДОЛЖИТЬ

УРОВЕНЬ БИОБЕЗОПАСНОСТИ

0

РАЗДЕВАЛКА

СТАТУС: ЖЕНЩИНА

СНИМИТЕ ВСЕ, ЧТО СОПРИКАСАЕТСЯ С КОЖЕЙ: ОДЕЖДУ, КОЛЬЦА, КОНТАКТНЫЕ
ЛИНЗЫ И ТАК ДАЛЕЕ. НАДЕНЬТЕ СТЕРИЛЬНУЮ ХИРУРГИЧЕСКУЮ ОДЕЖДУ.

ДОСТУП РАЗРЕШЕН...

УРОВЕНЬ БИОБЕЗОПАСНОСТИ

2

ВНИМАНИЕ:

УЛЬТРАФИОЛЕТОВОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ

УРОВЕНЬ БИОБЕЗОПАСНОСТИ

3

ПЛАЦДАРМ

СИГНАЛИЗАЦИЯ: ВКЛЮЧЕНА

СТАТУС СКАФАНДРА: ГОТОВ

ВНИМАНИЕ

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОПАСНОСТЬ

УРОВЕНЬ БИОБЕЗОПАСНОСТИ

ВОЗДУХОНЕПРОНИЦАЕМАЯ ДВЕРЬ / ОБЕЗЗАРАЖИВАЮЩИЙ ДУШ

НЕ ВХОДИТЬ БЕЗ СКАФАНДРА

ВВЕДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА,

КОД ИДЕНТИФИКАЦИИ

ДОСТУП РАЗРЕШЕН

Часть первая

Тень горы Элгон

Первый день нового, 1980 года

Где-то в лесу

Шарль Моне был одиночкой. Это был француз, живший в одиночестве в маленьком деревянном бунгало на частной территории сахарного завода Нзойя, в западной Кении, раскинувшейся вдоль реки Нзойя в пределах видимости горы Элгон, огромного, одинокого потухшего вулкана, поднимающегося на высоту 14 тыс. футов у края рифтовой долины. История Моне достаточно туманна. Неизвестно, что привело его, как и многих других иммигрантов, в Африку. Возможно, у него были какие-то неприятности

во Франции, а может быть, его привлекала красота Кении. Он был натуралистом-любителем, любил птиц и животных, но не слишком любил человечество. Ему было 56 лет, он был привлекательным мужчиной среднего роста и среднего телосложения, с гладкими прямыми каштановыми волосами. Похоже, что его единственными близкими друзьями были женщины, жившие в городах вокруг горы, хотя даже они, когда к ним обратились врачи, расследующие его смерть, не могли вспомнить о нем многого. Его работа заключалась в заботе о водонасосных машинах сахарного завода, которые брали воду из реки Нзойя и доставляли ее на поля сахарного тростника, раскинувшиеся на многие мили. Говорят, что большую часть дня он проводил в насосной у реки, словно ему было приятно смотреть и слушать, как машины делают свою работу.

Как часто бывает в таких случаях, трудно определить детали. Врачи помнят клинические признаки, потому что никто из тех, кто видел воздействие горячего агента четвертого уровня биобезопасности на человека, никогда не сможет его забыть, но эффекты накапливаются, один за другим, пока не погребут человека под собой. Случай с Шарлем Моне предстает в холодной геометрии клинического факта, смешанного со вспышками ужаса, столь яркими и тревожными, что мы отступаем назад и моргаем, как будто смотрим на бесцветное чужое солнце.

Моне прибыл в страну летом 1979 года, примерно в то время, когда вирус иммунодефицита человека, или ВИЧ, вызывающий СПИД, окончательно вырвался из тропических лесов Центральной Африки и начал бушевать среди человеческой расы. Тень СПИДа уже легла на население, хотя никто еще не знал о его существовании. Он спокойно распространялся вдоль шоссе Киншаса, трансконтинентальной дороги, пересекающей Африку с востока на запад и проходящей вдоль берегов озера Виктория в пределах видимости горы Элгон. ВИЧ – высоколетальный, но не очень заразный агент второго уровня биобезопасности. Он не передается с легкостью от человека к человеку, и он не путешествует по воздуху. При работе с кровью, зараженной ВИЧ, не нужно надевать скафандр биологической защиты.

Всю неделю Моне усердно работал в насосной, а в выходные и праздничные дни посещал лесные массивы возле сахарного завода. Он мог принести с собой корм, рассыпать его вокруг и наблюдать, как птицы и звери едят. Наблюдая за каким-нибудь животным, он мог сидеть совершенно неподвижно. Люди, знавшие его, вспоминали, что он был ласков с дикими обезьянами, что у него был особый подход к ним. Они говорили, что он мог сидеть, держа кусок пищи, а обезьяны

подходили и ели из его рук.

По вечерам он уединялся в своем бунгало. У него была экономка, женщина по имени Джонни, которая убирала и готовила ему еду. Он учился распознавать африканских птиц. На дереве неподалеку от его дома жила колония ткачиков, и он проводил время, наблюдая, как они строят гнезда, похожие на мешки, и ухаживают за ними. Говорят, что однажды под Рождество он принес домой больную птицу и она умерла, возможно, у него на руках. Птица могла быть ткачиком – этого никто не знает, – и она могла умереть от вируса 4-го уровня (вирус пронумерован в соответствии с нумерацией уровней защиты лабораторий для работы с биологическими объектами. 4 уровень лабораторий предназначен для работы с самыми опасными и заразными возбудителями – прим. науч. ред.) – и этого тоже никто не знает. А еще он дружил с вороном. Это был пестрый ворон, черно-белая птица, которую в Африке иногда держат как домашнее животное. Ворон был дружелюбным и умным, он любил прилетать на крышу бунгало Моне и наблюдать, как тот приходит и уходит. Когда ворон был голоден, он спускался на веранду и заходил в дом, где Моне кормил его объедками со своего стола.

В 1979 году никто не подозревал об угрозе вируса иммунодефицита человека, вызывающего СПИД, который вырвался из тропических лесов и начал незримо распространяться среди человеческой расы.

Каждое утро он шел на работу через тростниковые поля – две мили пути. В тот рождественский сезон рабочие жгли поля, и потому те были обуглены и черны. На севере, за обугленным ландшафтом, в 25 милях виднелась гора Элгон. Гора являла собой постоянно меняющийся лик погоды и тени, дождя и солнца, представление африканского света. На рассвете гора Элгон представала в виде осыпающейся груды серых хребтов, уходящих в дымку и завершающихся вершиной с двумя пиками – противостоящими друг другу губами разрушенного временем конуса. Когда всходило солнце, гора становилась серебристо-зеленой, цвета дождевого леса, росшего на склонах, а с наступлением дня появлялись облака, скрывая гору из виду. Ближе к вечеру, ближе к закату, тучи сгустились и превратились в наковальню грозовых туч, мерцающих беззвучными молниями. Нижняя часть облака была цвета древесного угля, а верхняя его часть выделялась на фоне неба и, подсвеченная заходящим солнцем, светилась тусклым оранжевым светом, а над облаком небо было темно-синим

и в нем мерцало несколько тропических звезд.

У него было несколько знакомых женщин, живших в городе Элдорет, к юго-востоку от горы, где люди бедны и живут в лачугах, сделанных из досок и металла. Он давал своим подругам деньги, а они с радостью любили его в ответ. Когда наступили рождественские каникулы, он решил отправиться в поход на гору Элгон и пригласил одну из женщин из Элдорета составить ему компанию. Имя ее, похоже, никто не запомнил.

Моне и его подруга ехали в Land Rover по длинной, покрытой красной грязью прямой дороге, ведущей к Эндебесс-Блафф, высокому утесу на восточной стороне вулкана. Дорога была покрыта вулканической пылью, красной, как засохшая кровь. Они поднялись на нижние склоны вулкана и пошли через кукурузные поля и кофейные плантации, которые уступали место пастбищам, а дорога проходила мимо старых, полуразрушенных английских колониальных ферм, спрятанных за рядами голубоватых деревьев. По мере того как они поднимались все выше, воздух становился прохладнее и с кедров слетали хохлатые орлы. Гору Элгон посещают немногие туристы, и поэтому машина Моне и его спутницы была, вероятно, единственным на дороге транспортным средством, хотя там могли быть толпы людей, идущих пешком – деревенских жителей, работающих на небольших фермах на нижних склонах горы. Они приблизились к потрепанному внешнему краю национального парка Маунт-Элгон, минуя камни и скопления деревьев, и пошли мимо Маунт-Элгон-Лодж, английской гостиницы, построенной в начале века, а ныне пришедшей в упадок и стоящей с потрескавшимися стенами и облупившейся от солнца и дождя краской.

Гора Элгон стоит на границе между Угандой и Кенией, неподалеку от Судана. Эта гора – биологический островок дождевых лесов в центре Африки, изолированный мир, возвышающийся над сухими равнинами, имеющий 50 миль в поперечнике, покрытый деревьями, бамбуком и альпийскими болотами. Это шишка на хребте Центральной Африки. Вулкан появился 7–10 млн лет назад. Тогда он яростно извергался, выбрасывая пепел, который неоднократно уничтожал леса, росшие на его склонах, пока вулкан не достиг огромной высоты. До того как гора Элгон была разрушена выветриванием, она, возможно, была самой высокой горой в Африке, выше, чем Килиманджаро сегодня. Она остается самой широкой. Поднимающееся солнце отбрасывает тень горы Элгон на запад, глубоко в Уганду, а когда солнце садится, тень простирается на восток через Кению. В тени горы Элгон лежат деревни и города, населенные

различными племенными группами, включая масаев Элгона, народа пастухов, который пришел с севера и поселился вокруг горы несколько веков назад и который разводит скот. Ласковые дожди омывают нижние склоны горы, и воздух остается прохладным и свежим круглый год, а вулканическая почва дает богатые урожаи кукурузы. Деревни образуют вокруг вулкана кольцо поселений, которое неуклонно смыкается вокруг леса на склонах, затягивается петлей, опутывающей дикую среду обитания горы. Лес расчищают, деревья вырубают на дрова или чтобы освободить место для пастбищ, а слоны исчезают.

Небольшая часть горы Элгон – национальный парк. Моне и его подруга остановились у ворот парка, чтобы заплатить за вход. Мартышка, или, может быть, бабуин – никто не смог вспомнить – обычно слонялась у ворот, ища подачки, и Моне заманил зверя себе на плечо, предложив ему банан. Его подруга рассмеялась, но они спокойно стояли, пока животное ело. Они проехали немного вверх по склону горы и разбили палатку на поляне из влажной зеленой травы, спускавшейся к ручью. Из дождевого леса, журча, бежал ручей, и его вода была странного цвета, молочного от вулканической пыли. Трава была коротко подстрижена пасущимися капскими буйволами и усыпана их навозом.

Элгонский лес возвышался вокруг их лагеря – паутина изогнутых африканских олив, увитых мхом и лианами, усеянных черными плодами, ядовитыми для человека. Они слышали возню кормящихся на деревьях обезьян, жужжание насекомых, время от времени раздавался негромкий ухающий крик обезьяны. Это были колобусы, и иногда один из них спускался с дерева и пробегал через лужайку возле палатки, наблюдая за людьми внимательными, умными глазами. Стаи оливковых голубей срывались с деревьев и стремительно, с ужасающей скоростью летели к земле. Такова их стратегия спасения от луневых ястребов, которые пикируют на них и в полете разрывают на части. Здесь росли камфорные деревья, тиковые деревья, африканские кедры и африканские сливы, а кое-где над лесным пологом поднимались темно-зеленые облака листьев. Это были кроны деревьев подокарпуса, или подо, самых больших деревьев в Африке, почти не уступающих размерами калифорнийским секвойям. Тысячи слонов жили тогда на горе, и было слышно, как они двигались по лесу, издавая трескучие звуки, когда они сдирали кору и ломали ветви с деревьев.

После полудня, как обычно бывает на горе Элгон, мог пойти дождь, и Моне с подругой могли остаться в палатке, а может быть, заниматься любовью, пока гроза колотила по полотну. Стемнело, дождь пошел на убыль. Они развели костер и приготовили еду. Был канун Нового года. Возможно, они праздновали,

пили шампанское. Облака рассеялись бы через несколько часов, как это обычно бывает, и вулкан возник бы черной тенью под Млечным Путем. Может быть, Моне стоял на траве в полночь и смотрел на звезды – голова его была запрокинута назад, а ноги едва держали из-за выпитого шампанского.

В новогоднее утро, вскоре после завтрака – холодное утро, температура воздуха под сорок по Фаренгейту, трава мокрая и холодная – они поднялись на гору по глинистой дороге и остановились в небольшой долине под пещерой Китум. Они поднимались вверх по долине, следуя за слоновьими тропами, которые извивались вдоль небольшого ручья, протекавшего между оливковыми деревьями и лужайками, заросшими травой. Они высматривали в лесу африканских буйволов, встреча с которыми может быть опасна. Вход в пещеру был у края долины, и через ее устье водопадом лилась вода. Слоновьи тропы соединялись у входа и вели внутрь. Моне и его подруга провели там весь Новый год. Вероятно, шел дождь, и поэтому они могли просидеть у входа несколько часов, пока поток не превратился в маленький ручей, стекающий подобно вуали. Осматривая долину, они следили за слонами и видели скальных даманов – мохнатых зверьков размером с сурка, бегающих вверх и вниз по валунам у входа в пещеру.

По ночам стада слонов идут в пещеру Китум, чтобы добыть минералы и соли. На равнинах слонам легко найти соль в ортштейнах и пересохших водоемах, но в тропическом лесу соль – драгоценная вещь. Пещера достаточно большая, чтобы вместить до 70 слонов одновременно. Они проводят ночь в пещере, дремлют стоя или с помощью бивней добывают камень. Они выковыривают и выдалбливают камни из стен, жуют их и глотают измельченные обломки. Слоновий помет вокруг пещеры полон каменной крошки.

У Моне и его подруги был фонарик, и они вошли в пещеру, чтобы посмотреть, куда она ведет. Вход в пещеру огромен – 55 ярдов в ширину – и после входа она становится еще шире. Они, поднимая клубы пыли, прошли по площадке, покрытой сухим слоновьим навозом. Свет стал слабее, а из пола пещеры вырос ряд полок, покрытых зеленой слизью. Это было гуано летучих мышей, переваренные остатки растительной пищи, выделяемые колонией крыланов на потолке.

Крыланы с шумом вылетали из нор и мелькали в свете фонарика, петляя вокруг голов и издавая пронзительные крики. Свет беспокоил их, и их просыпалось все больше. Сотни глаз, похожих на красные драгоценные камни, смотрели

с потолка пещеры. Волны звука прокатывались по потолку и эхом отдавались назад и вперед – сухой, скрипучий звук, словно множество маленьких дверей открывалось на несмазанных петлях. И тут они увидели самое удивительное в пещере Китум. Пещера – это окаменевший тропический лес. Из стен и потолка торчали минерализованные бревна. Это были стволы деревьев тропического леса, превратившихся в камень, – тиковые деревья, деревья подо, вечнозеленые растения. Извержение вулкана Элгон около около 7 млн лет назад похоронило дождевой лес в пепле, и бревна превратились в опал и кремнистый сланец. Бревна были окружены кристаллами, белыми минеральными иглами, росшими из скалы. Острые, как шприцы для подкожных инъекций, кристаллы блестели в лучах фонарей.

Моне и его подруга бродили по пещере, освещая фонарями окаменевший тропический лес. Может быть, он провел рукой по окаменелым деревьям и уколол палец о кристалл? Они нашли окаменевшие кости древних гиппопотамов и предков слонов. Среди бревен в паутине висели пауки, поедавшие мотыльков и насекомых.

Они подошли к пологому подъему, где главный зал расширялся более чем на сотню ярдов в поперечнике – больше, чем длина футбольного поля. Они нашли расщелину и посветили фонариками вниз, на дно. Там было что-то странное – масса серого и коричневатого вещества. Это были мумифицированные трупы слонят. Когда слоны ходят по пещере ночью, они ориентируются на ощупь, прощупывая пол перед собой кончиками хоботов. Маленькие слонята иногда падают в расщелину.

Он стал похож на зомби, лицо утратило живость и превратилось в застывшую маску. Его личность изменилась. Он мог отвечать на вопросы. Но, казалось, не понимал, где находится.

Моне и его подруга углубились в пещеру, спускаясь по склону, пока не подошли к колонне, которая, казалось, поддерживала крышу. Столб был испещрен отметинами и бороздками – следами слоновьих бивней. Если слоны продолжат копать у основания столба, он может в конце концов рухнуть, обрушив вместе с ним крышу пещеры Китум. В глубине пещеры они обнаружили еще одну колонну, сломанную. Над ней висела бархатистая масса летучих мышей, которые запачкали столб черным гуано – совсем не таким, как зеленая слизь у входа

в пещеру. Эти летучие мыши были насекомоядными, а гуано представляло собой массу из переваренных насекомых. Возможно, Моне сунул руку в эту грязь.

Подруга Моне после той поездки на гору Элгон на несколько лет скрылась из виду. Затем она неожиданно обнаружилась в баре в Момбасе, где работала проституткой. Кенийский врач, расследовавший дело Моне, как раз пил пиво в баре и завел с ней праздный разговор, упомянув имя Моне. Он был ошеломлен, когда она сказала: «Я знаю об этом. Я родом из Западной Кении. Это я была той женщиной с Шарлем Моне». Он не поверил ей, но она рассказала ему достаточно подробностей, чтобы он убедился, что она говорит правду. После той встречи в баре она исчезла, затерявшись в джунглях Момбасы, и к нашему времени, вероятно, умерла от СПИДа.

Шарль Моне вернулся на работу в насосную на сахарном заводе. Каждый день он шел на работу через выжженные тростниковые поля, наверняка любясь видом горы Элгон, и когда гора была скрыта облаками, возможно, он все еще чувствовал ее притяжение, словно гравитацию невидимой планеты. Тем временем внутри Моне что-то копировало само себя. Некая форма жизни сделала Шарля Моне своим носителем и теперь размножалась.

Головная боль начинается, как правило, на седьмой день после контакта с возбудителем. На седьмой день после своего новогоднего визита в пещеру Китум – 8 января 1980 года – Моне почувствовал пульсирующую боль за глазами яблоками. Он решил не ходить на работу и лег спать в своем бунгало. Головная боль усилилась. Его глазные яблоки болели, а затем начали болеть виски, боль, казалось, кружилась в его голове. Аспирин не мог снять боль, а потом у него сильно заболела спина. Его экономка Джонни все еще была на рождественских каникулах, и он недавно нанял временную экономку. Она пыталась помочь ему, но не знала, что нужно делать. Затем, на третий день после появления головной боли, он почувствовал тошноту, у него поднялась температура, и его начало рвать. Рвота усиливалась и превратилась в сухие спазмы. Одновременно с этим он стал странно пассивным. Его лицо утратило все признаки жизни и превратилось в невыразительную маску с неподвижными, парализованными и пристально смотрящими глазами. Веки слегка обвисли, что придавало ему характерный вид, словно глаза вылезали из орбит и были полузакрыты одновременно. Сами глазные яблоки, казалось, застыли в глазницах и стали ярко-красными. Кожа его лица стала желтоватой, с блестящими звездообразными красными крапинками. Он стал похож на зомби.

Его внешность испугала временную экономку. Она не понимала, почему этот человек так изменился. Его личность изменилась. Он стал угрюмым, обидчивым, злобным, и память его, казалось, улетучилась. Бреда у него не было. Он мог отвечать на вопросы, хотя создавалось впечатление, что он не знает, где именно находится.

Когда Моне не появился на работе, его коллеги начали беспокоиться о нем, и в итоге пошли к нему в бунгало, чтобы проверить, все ли с ним в порядке. Черно-белый ворон сидел на крыше и смотрел, как они входят внутрь. Они посмотрели на Моне и решили, что ему нужно в больницу. Поскольку он был очень плох и больше не мог водить машину, один из его коллег отвез его в частную больницу в городе Кисуму, на берегу озера Виктория. Врачи в больнице осмотрели Моне и не смогли найти никакого объяснения происходящему, предположив, что у него может быть какая-то бактериальная инфекция. Они сделали ему инъекции антибиотиков, но антибиотики никак не повлияли на его состояние.

Врачи решили, что он должен попасть в больницу Найроби, лучшую частную больницу в Восточной Африке. Телефонная сеть почти не работала, а звонить врачам, чтобы сообщить им о его приезде, не казалось целесообразным. Моне все еще мог идти, и ему нужно было добраться до Найроби. Его посадили в такси до аэропорта, и он сел на рейс авиакомпании Kenya Airways.

Горячий вирус из тропического леса может выжить в пределах двадцатичетырехчасового полета на самолете из каждого города на Земле. Все города Земли соединены авиамаршрутами, сплетающимися в единую паутину. Как только вирус попадает в эту сеть, он может выстрелить в любом месте всего за день – Париж, Токио, Нью-Йорк, Лос-Анджелес, везде, где летают самолеты. Шарль Моне и та форма жизни, что была в нем, попали в сеть.

Лететь предстояло на самолете Fokker Friendship с пропеллерами, местном самолете, вмещающем 35 человек. Самолет завел двигатели и взлетел над озером Виктория, голубым и сверкающим, усеянным рыбацкими каноэ. «Friendship» развернулся и направился на восток, поднимаясь над зелеными холмами, покрытыми чайными плантациями и небольшими фермами. Самолеты местных маршрутов, летающие над Африкой, часто забиты людьми, и этот борт, вероятно, был полон. Самолет поднимался над полосами леса и скоплениями круглых хижин и деревень с жестяными крышами. Земля вдруг резко обрывалась, уходя вниз полками и оврагами, и меняла цвет с зеленого

на коричневый. Самолет пересекал Восточную рифтовую долину. Пассажиры смотрели в иллюминаторы на то место, где родился человеческий род. Они видели пятнышки хижин, сгрудившихся в кольцах тернового кустарника, и следы скота, расходящиеся от хижин. Пропеллеры застонали, и «Friendship» пронесся по облачным улицам, рядом пухлых рифтовых облаков, и начал подпрыгивать и раскачиваться. Моне затошнило.

В самолетах местных линий сиденья узкие и тесно прижаты друг к другу, и заметно все, что происходит внутри салона. Кабина плотно закрыта, и воздух рециркулирует. Если в воздухе есть какие-то запахи, они чувствуются. Невозможно не обращать внимания на человека, которому плохо. Он сгорбился в кресле. С ним что-то не так, но точно сказать, что происходит, нельзя.

Он прижимает ко рту бумажный пакет. Он сильно кашляет и что-то отхаркивает в пакет. Пакет раздувается. Возможно, он оглядывается по сторонам, и тогда видно, что его губы испачканы чем-то скользким и красным, смешанным с черными пятнышками, будто он жевал кофейную гущу. Его глаза рубиново-красного цвета, а лицо – лишенная выражения масса синяков. Красные пятна, которые еще несколько дней назад были небольшими звездообразными отметинами, расширились и слились в огромные, бесформенные фиолетовые тени; вся его голова стала черно-синей. Мышцы его лица обвисли. Соединительная ткань на лице растворяется, и лицо, кажется, свисает с костей, словно отделяясь от черепа. Он открывает рот и с трудом дышит в пакет, а рвота продолжается. Она не прекращается, и он продолжает извергать жидкость еще долго, несмотря на то что его желудок уже должен был быть пуст. Пакет до краев наполняется веществом, известным как vomito negro, или черная рвота. Она на самом деле не черная; это пятнистая жидкость двух цветов, черного и красного, месиво из свернувшихся сгустков и свежей красной артериальной крови. Это кровоизлияние, и кровь пахнет, словно на бойне. Черная рвота заряжена вирусом. Пассажирский салон наполняется запахом этой невероятно заразной, смертельно опасной жидкости. Бумажный пакет полон черной рвоты, поэтому Моне закрывает его и закатывает сверху. Пакет разбухает и размягчается, грозя протечь, и он передает его стюардессе. Когда горячий вирус размножается в организме хозяина, он может наполнить тело вирусными частицами от мозга до кожи. Военные эксперты в таких случаях заявляют, что вирус прошел «экстремальную амплификацию» (увеличение числа копий ДНК вируса – прим. науч. ред.). Это совсем не похоже на обычную простуду. К тому времени, когда экстремальная амплификация достигает максимума, пипетка крови жертвы может содержать 100 млн частиц вируса. В ходе этого процесса организм частично превращается в вирусные частицы.

Другими словами, носитель одержим формой жизни, которая пытается преобразовать носителя в себя. Однако превращение проходит не совсем успешно и приводит к появлению большого количества разжиженной плоти, смешанной с вирусом, к своего рода биологической катастрофе. Экстремальная амплификация случилась и у Моне, и черная рвота стала признаком этого.

Единая паутина авиамаршрутов оплетает земной шар. Попав в эту сеть, вирус может переместиться за один день в любую точку планеты.

Он, кажется, напряжен, как будто любое движение может разорвать что-то внутри него. Его кровь сворачивается - в сосудах образуются тромбы, и эти тромбы оседают повсюду. Его печень, почки, легкие, руки, ноги и голова забиты тромбами. По сути, у него инсульт по всему телу. Тромбы скапливаются в мышцах кишечника, перекрывая кровоснабжение. Мышцы начинают атрофироваться, и кишечник расслабляется. Моне, кажется, уже не полностью осознает боль, потому что сгустки крови, застрявшие в его мозге, перекрывают кровоток. Повреждение мозга стирает его личность. Это называется деперсонализацией. При ней исчезают живость и детали характера, и человек превращается в автомат, ходячую куклу. Маленькие участки его мозга разжижаются. Высшая нервная деятельность, сознание угасают первыми, но более глубокие части ствола мозга (примитивный мозг крысы, мозг ящерицы) пока еще живы и функционируют. Можно сказать, что личность Шарля Моне уже умерла, а оболочка Шарля Моне продолжает жить.

Приступ рвоты, похоже, повредил несколько кровеносных сосудов в его носу - у него начинается носовое кровотечение. Кровь льется из обеих ноздрей, блестящая, чистая, артериальная жидкость, стекающая по зубам и подбородку. Кровь не останавливается, потому что факторы свертывания были израсходованы. Стюардесса дает ему несколько бумажных полотенец, которыми он затыкает нос, но кровь все равно не сворачивается, и полотенца промокают насквозь.

Если рядом с вами в самолете сидит больной человек, вы, возможно, не захотите смущать его, привлекая внимание к проблеме. Вы говорите себе, что с этим человеком все будет в порядке. Может быть, он плохо переносит полеты. Его тошнит, беднягу, а в самолетах у людей действительно идет кровь из носа, воздух такой сухой и разреженный... и вы робко спрашиваете его, нужна ли ему

какая-то помощь. Он не отвечает или бормочет непонятные слова, поэтому вы пытаетесь игнорировать его, но полет, кажется, продолжается вечно. Возможно, помощь ему предложат стюардессы. Но у жертв этого типа горячего вируса изменяется поведение, из-за чего они могут быть неспособны ответить на предложение помощи. Они становятся враждебными и не хотят, чтобы их трогали. Они не хотят говорить. Они отвечают на вопросы ворчанием или односложно. Они, кажется, не могут подобрать слов. Они могут назвать вам свое имя, но не могут назвать день недели или объяснить, что с ними случилось.

«Friendship» движется сквозь облака, следуя вдоль рифтовой долины, и Моне откидывается на спинку сиденья, и теперь он, кажется, задремал... Возможно, некоторые пассажиры задаются вопросом, не умер ли он. Нет-нет, он не умер. Он движется. Его красные глаза открыты и немного двигаются.

День клонится к вечеру, и солнце опускается за холмы к западу от рифтовой долины, разбрасывая во все стороны лучи света, как будто раскаляясь по экватору. «Friendship» плавно поворачивает и пересекает восточный склон разлома. Земля поднимается выше и меняет свой цвет с коричневого на зеленый. Под правым крылом появляются холмы Нгонг, и самолет, снижаясь, проходит над парком, полным зебр и жирафов. Через минуту он приземляется в Международном аэропорту имени Джомо Кеньятты. Моне шевелится. Он все еще может ходить. Он встает, с него капает. Спотыкаясь, он спускается по трапу на летное поле. Его рубашка превратилась в красное месиво. У него нет багажа. Его единственный багаж – то, что внутри, груз усиленного вируса. Он превратил Моне в ходячую вирусную бомбу. Он медленно входит в здание аэровокзала и выходит на извилистую дорогу, где всегда стоят такси. Таксисты окружают его:

– Такси? Такси?

– Найроби... Больница, – бормочет он.

Один из них помогает ему сесть в машину. Таксисты Найроби любят поболтать со своими пассажирами, и этот, вероятно, спрашивает, не болен ли он. Ответ должен быть очевиден. Желудок Моне теперь чувствует себя немного лучше. Он не пустой, разорванный и горящий, а тяжелый, тупой и раздутый, словно он только что поел.

Такси выезжает на шоссе Ухуру и направляется в Найроби. Оно проезжает через луга, полные медовых акаций, мимо фабрик, а потом сворачивает на развязку и оказывается посреди шумной уличной жизни Найроби. Толпы людей крутятся на обочинах дороги, женщины идут по протоптанным грязным дорожкам, мужчины слоняются без дела, дети катаются на велосипедах, мужчина чинит обувь на обочине, трактор тянет тележку с углем. Такси сворачивает налево, на Нгонг-Роуд, проезжает мимо городского парка, поднимается на холм и группу высоких каучуковых деревьев, сворачивает на узкую дорогу, минует ворота охраны и въезжает на территорию больницы Найроби. Оно паркуется на стоянке такси рядом с цветочным киоском. На табличке возле стеклянной двери написано: «Отделение травматологии». Моне протягивает водителю деньги, выходит из машины, открывает стеклянную дверь, подходит к окошку администратора и показывает, что ему очень плохо. Ему трудно говорить.

Он истекает кровью, и они примут его через минуту. Ему придется подождать, пока позовут врача, но врач примет его немедленно, волноваться не нужно. Он садится в комнате ожидания.

Комната небольшая, уставленная мягкими скамейками. Ясный, сильный древний свет Восточной Африки льется через ряд окон и падает на стол, заваленный грязными журналами, образуя прямоугольники на сером камне пола со стоком в центре. В комнате смутно пахнет древесным дымом и потом, и она забита людьми с затуманенными глазами, африканцами и европейцами, сидящими плечом к плечу. В отделении травматологии всегда есть кто-то, кто порезался и ждет наложения швов. Люди терпеливо ждут, прижимая к голове мочалку, держа повязку на пальце, и на ткани можно увидеть пятно крови. Итак, Шарль Моне сидит на скамейке в приемном покое, и он мало чем отличается от других людей в комнате, если не считать его покрытого синяками невыразительного лица и красных глаз. Табличка на стене предупреждает пациентов о ворах-карманниках, а другая табличка гласит:

ПОЖАЛУЙСТА, СОХРАНЯЙТЕ ТИШИНУ.

ВАШЕ СОТРУДНИЧЕСТВО БУДЕТ ОЦЕНЕНО ПО ДОСТОИНСТВУ.

ВНИМАНИЕ: ЭТО ОТДЕЛЕНИЕ ТРАВМАТОЛОГИИ.

ЭКСТРЕННЫЕ СЛУЧАИ РАССМАТРИВАЮТСЯ В ПРИОРИТЕТНОМ ПОРЯДКЕ.

В ТАКИХ СЛУЧАЯХ ВАМ ПРИДЕТСЯ ПОДОЖДАТЬ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВАС ПРИМУТ.

Моне молчит, ожидая, когда его примут. Внезапно он переходит в последнюю фазу. Человеческая вирусная бомба взрывается. У военных специалистов по биологической опасности есть способы описать это явление. Они говорят, что жертва «разрушилась и истекла кровью». Или более вежливо говорят, что жертва «пошла ко дну».

У него кружится голова и исчезают все силы, позвоночник становится вялым и безжизненным, и он совершенно теряет чувство равновесия. Комната кружится и кружится. Он впадает в шоковое состояние. Он наклоняется, кладет голову на колени, из его желудка извергается невероятное количество крови, которую он выплескивает на пол с задыхающимся стоном. Он теряет сознание и падает на пол. Он издает только хрип, с которым у него, бессознательного, продолжается рвота кровью и черным веществом. Затем слышится звук, похожий на треск рвущейся простыни, – это разрывается кишечник, выпуская кровь через анус. Кровь смешана со слизистой кишечника. Внутренности разрушены. Слизистая оболочка кишечника оторвалась и выходит наружу вместе с огромным количеством крови. Моне разрушен и истекает кровью.

Пациенты в комнате ожидания встают и отходят от человека на полу. Они начинают звать доктора. Вокруг лежащего быстро увеличивается лужа крови. Разрушив своего носителя, горячий вирус выходит из каждого отверстия, стремясь найти новую жертву.

15 января 1980 года

Прыгун

Медсестры и санитары привезли каталку, подняли Шарля Моне на нее и отвезли его в отделение интенсивной терапии больницы Найроби. По громкой связи передали вызов врача: пациент в отделении интенсивной терапии истекает кровью. На сцене появился молодой врач по имени Шем Мусоке. Доктор Мусоке считался одним из лучших молодых врачей-терапевтов больницы, он был энергичным человеком с добрым чувством юмора, работал по много часов и хорошо управлялся с экстренными случаями. Он увидел Моне, лежащего на каталке. Доктор не имел ни малейшего понятия, что происходит с пациентом помимо очевидного массивного кровотечения. Времени на попытки выяснить его причину не было. Пациент с трудом дышал, а затем перестал дышать вовсе. Остановка дыхания произошла из-за попадания крови в легкие.

Горячий вирус наполняет тело хозяина от мозга до кожи. Зараженный одержим формой жизни, которая активно превращает своего носителя в себя.

Доктор Мусоке проверил пульс. Тот был слабым и неровным. Подбежавшая медсестра принесла ларингоскоп, трубку, с помощью которой можно открыть дыхательные пути пациента. Доктор Мусоке разорвал рубашку Моне, чтобы видеть движение грудной клетки, встал у изголовья каталки и склонился над лицом Моне, глядя прямо ему в глаза сверху вниз.

Красные глаза Моне уставились на доктора, но глазные яблоки не двигались, а зрачки были расширены. Повреждение мозга: никого нет дома. Кровь текла из носа и изо рта. Доктор Мусоке наклонил голову пациента назад, чтобы открыть дыхательные пути и вставить ларингоскоп. На нем не было резиновых перчаток. Он провел пальцем по языку пациента, очищая ротовую полость от мусора, убирая слизь и кровь. Его руки испачкались в черной свернувшейся массе. От пациента пахло рвотой и кровью, но для доктора Мусоке, сконцентрированного на работе, это не имело значения. Он склонился так, что его лицо было в нескольких дюймах над лицом Моне, и смотрел тому в рот, чтобы оценить положение ларингоскопа. Затем он ввел ларингоскоп в рот пациента и отодвинул язык так, чтобы видеть позади надгортанника трахею, темное отверстие, ведущее к легким. Он толкнул ларингоскоп в это отверстие, глядя внутрь него. И вдруг Моне вздрогнул и забился.

Его вырвало.

Черная рвота выплеснулась изо рта через ларингоскоп. Черно-красная жидкость фонтаном выстрелила в воздух, окатив доктора Мусоке. Она попала ему в глаза, расплескалась по его белому халату и по груди, стекая нитями красной слизи, перемешанной с черными хлопьями. Она оказалась у него во рту.

Он поправил голову пациента и пальцами убрал кровь из его рта. Руки доктора по локоть были перемазаны кровью. Кровь была повсюду – на каталке, на докторе Мусоке, на полу. Медсестры отделения интенсивной терапии не верили своим глазам. Доктор Мусоке посмотрел в трахею и ввел ларингоскоп глубже в легкие. В дыхательных путях была кровь.

Воздух устремился в легкие пациента, и тот снова начал дышать.

Пациент, очевидно, был в шоковом состоянии от потери крови. Он потерял ее столько, что началось обезвоживание. Кровь текла практически из всех отверстий тела. Крови не хватало, чтобы обеспечить циркуляцию, и сердце билось очень медленно, а артериальное давление опустилось до нуля. Ему нужно было переливание крови.

Медсестра принесла пакет цельной крови. Доктор Мусоке подвесил пакет на стойке и ввел иглу в руку пациента. С венами явно было что-то не так; из прокола полилась кровь. Доктор Мусоке попробовал еще раз, введя иглу в другое место на руке пациента в поисках вены. Безуспешно. Кровь продолжала течь. Куда бы он ни вводил иглу, вены рвались, как сваренные макароны, выпуская кровь, которая стекала по руке пациента, не желая останавливаться. Было ясно, что это ненормально. Доктор Мусоке перестал пытаться провести переливание, опасаясь, что пациент истечет кровью из-за крохотных отверстий на руке. У пациента продолжалось кровотечение из кишечника, и вытекающая кровь теперь была черной, как смола.

Кома Моне стала глубже, и он больше не приходил в сознание. Рано утром он скончался в отделении интенсивной терапии. Все это время доктор Мусоке был рядом с ним.

Они не представляли, что его убило. Смерть была необъяснима. Вскрытие показало, что его почки и печень были разрушены. Печень была желтой и частично превратилась в жидкость – она была похожа на печень трупа. Создавалось впечатление, что Моне был мертв еще до фактической смерти.

Жидкость в кишечнике, внутренняя оболочка которого отделилась, тоже обычно встречается у трупов, пролежавших несколько дней. Что же на самом деле было причиной смерти? Невозможно было определить, потому что вероятных причин было слишком много. В организме этого человека буквально все пошло не так, убить его могло что угодно: сворачивание крови, массивное кровотечение, превращение печени в пудинг, внутренности, полные крови. Не сумев подобрать слова, категории или язык, чтобы описать произошедшее, они наконец обозначили этот случай как «молниеносная печеночная недостаточность». Останки Моне упаковали в водонепроницаемый мешок и, согласно одной из записей, похоронили где-то поблизости. Когда много лет спустя я был в Найроби, никто не вспомнил, где его могила.

24 января 1980 года

Через девять дней после того, как рвота пациента попала в глаза и рот доктора Шема Мусоке, у того появилась боль в спине. Он не был склонен к болям в спине – на самом деле, у него никогда не было серьезных болей в спине, но ему было почти тридцать, и он подумал, что начинается тот период жизни, когда у некоторых мужчин появляется боль в спине. В последние несколько недель он достаточно сильно устал. Он не спал ночь из-за пациента с проблемами с сердцем, а в следующую ночь он занимался тем прибывшим откуда-то из глубинки французом с кровоизлияниями. То есть он практически не спал уже несколько дней. Он не задумывался об инциденте с рвотой, и когда боль начала распространяться по телу, все еще не думал о нем. А потом, посмотрев в зеркало, он заметил, что его глаза покраснели.

Красные глаза – он начал подозревать у себя малярию. У него поднялась температура, что означало какую-то инфекцию. Боль в спине перекинулась на мышцы, и теперь болело все тело. Он начал принимать лекарство от малярии, но оно не помогло, и он попросил одну из медсестер сделать ему инъекцию противомаларийного препарата.

Медсестра сделала Мусоке внутримышечную инъекцию в руку. Боль от укола была очень, очень сильной. Он никогда не испытывал такой боли от укола; это было ненормально и примечательно. Он удивился, почему простой укол стал таким болезненным. Затем у него начались боли в животе, и это навело его

на мысль, что у него может быть брюшной тиф, поэтому он принял курс антибиотиков, но на болезнь это никак не повлияло. Он продолжал работать в больнице, поскольку был нужен пациентам. Боль в животе и мышцах стала невыносимой, и у него появилась желтуха.

Не сумев поставить себе диагноз, испытывая сильную боль и не имея возможности продолжать свою работу, он обратился к доктору Антонии Бэгшоу, врачу больницы Найроби. Она осмотрела его, заметила лихорадку, покрасневшие глаза, желтуху, боль в животе и не нашла ничего определенного, но задалась вопросом, были ли у него камни в желчном пузыре или абсцесс печени. Приступ в желчном пузыре или абсцесс печени могли вызвать лихорадку, желтуху и боль в животе – объяснить красные глаза она не смогла, – и она заказала ультразвуковое исследование его печени. Изучив изображения печени, она увидела, что та увеличена, но, помимо этого, ничего необычного не заметила. К этому времени он был уже очень болен, и его поместили в отдельную палату, где за ним круглосуточно наблюдали медсестры. Его лицо превратилось в бесстрастную маску.

Предполагаемый приступ желчнокаменной болезни мог быть смертельным. Доктор Бэгшоу порекомендовала доктору Мусоке сделать диагностическую операцию. Ее проводила группа хирургов во главе с доктором Имре Лофлером в главном операционном зале больницы Найроби. Врачи сделали надрез над его печенью и оттянули брюшные мышцы. То, что они обнаружили во внутренностях Мусоке, было жутким и пугающим, и объяснить это они не могли. Печень отекала и покраснела, она не выглядела здоровой, но никаких признаков камней в желчном пузыре они не нашли. Кровотечение у него не прекращалось. Любая хирургическая процедура затрагивает кровеносные сосуды, которые, будучи разрезанными, кровоточат некоторое время, а затем кровь сворачивается. Если же кровотечение продолжается, хирург накладывает на них капли гелевой пены, чтобы остановить кровь. Сосуды Мусоке не прекращали кровоточить – его кровь не сворачивалась, словно у него была гемофилия. На всю поверхность печени нанесли гелевую пену, но кровь просочилась сквозь нее. Кровь текла из него, как из губки. Им пришлось откачать лишнюю кровь, но, когда они ее откачали, разрез снова наполнился. Это напоминало рытье ямы ниже уровня грунтовых вод: как только вы убираете воду, яма снова заполняется. Один из хирургов позже рассказывал, что команда была «по локоть в крови». Из печени вырезали кусочек ткани – биопсия печени – и положили его в емкость с консервирующей жидкостью, а затем Мусоке закрыли как можно быстрее.

Невозможно было определить, что стало причиной смерти, в организме этого человека, казалось, все пошло не так. Убить его могло, что угодно.

После операции его состояние резко ухудшилось, и почки начали отказывать. Казалось, он умирает. В то время Антони Бэгшоу, его лечащему врачу, пришлось уехать за границу, и Мусоке попал под опеку врача Дэвида Сильверстайна. Перспектива почечной недостаточности и диализа для доктора Мусоке создала в больнице атмосферу чрезвычайной ситуации: коллеги хорошо его знали и не хотели потерять. Сильверстайн начал подозревать, что Мусоке страдает от необычного вируса. Он взял у пациента немного крови и отделил от нее сыворотку – прозрачную жидкость золотистого цвета, которая остается после удаления из крови красных кровяных клеток. Затем он отправил несколько пробирок замороженной сыворотки в лаборатории для тестирования – в Национальный институт вирусологии в Сандрингеме, Южная Африка, и в Центр по контролю заболеваний в Атланте, Джорджия, США. И стал ждать результатов.

Диагноз

Дэвид Сильверстайн живет в Найроби, но у него есть дом недалеко от Вашингтона, округ Колумбия. Не так давно одним летним днем, когда он приезжал в Соединенные Штаты по делам, я встретился с ним в кафе в торговом центре недалеко от его дома. Мы сели за маленький столик, и он рассказал мне о делах Моне и Мусоке. Сильверстайн – худощавый невысокий мужчина лет сорока с небольшим, в очках и с усами, с живым, быстрым взглядом. Хотя он американец, в его речи слышится легкий акцент суахили. В тот день, когда мы встретились, он был одет в джинсовую куртку и синие джинсы, покрыт загаром и выглядел подтянутым и расслабленным. Он пилот и летает на собственном самолете. У него самая большая частная медицинская практика в Восточной Африке, и благодаря этому он широко известен в Найроби. Он личный врач Дэниела арап Мои, президента Кении, он путешествует с президентом, когда тот выезжает за границу. Он лечит всех важных людей в Восточной Африке: коррумпированных политиков, актеров и актрис, заболевших на сафари, испорченную англо-африканскую знать. Он в качестве личного врача сопровождал в путешествии постаревшую Диану, леди Деламер, следя за ее кровяным давлением и сердцебиением (она хотела по-прежнему

заниматься любимым спортом – глубоководной рыбалкой у побережья Кении, несмотря на больное сердце), и он также был врачом Берил Мархэм. Мархэм, автор книги «Запад с ночью», мемуаров о годах, проведенных ею в качестве авиатора в Восточной Африке, часто зависала в аэроклубе Найроби, где заработала репутацию буйной драчливой пьяницы («К тому времени, когда я познакомился с ней, она была уже порядком заспиртованной старушенцией».) Его пациент доктор Мусоке сам стал знаменитостью, попав в анналы болезней. «Я лечил доктора Мусоке с помощью поддерживающей терапии, – сказал мне Сильверстайн. – Это все, что я мог сделать. Я давал ему пищу, и я пытался снизить его температуру, когда она поднималась. По большей части я заботился о нем без какого-либо плана».

Однажды в два часа ночи в доме Сильверстайна в Найроби зазвонил телефон. Звонил американский исследователь из Кении, который сообщил, что южноафриканцы обнаружили в крови Мусоке нечто очень странное: «У него положительный результат на марбургский вирус. Это действительно серьезно. Мы мало что знаем о Марбурге».

Сильверстайн никогда не слышал о вирусе Марбург. «После этого звонка я никак не мог заснуть, – сказал он мне. – У меня было что-то вроде сна наяву, когда я гадал, что такое Марбург». Он лежал в постели, думая о страданиях своего друга и коллеги доктора Мусоке, в ужасе от вируса, который перемещался среди персонала больницы. Он все время слышал голос, говоривший: «Мы мало знаем о Марбурге». Не в силах заснуть, он наконец оделся и поехал в больницу, приехав в свой офис еще до рассвета. Он достал медицинский учебник и нашел в нем вирус Марбург.

Запись была короткой. Марбург – африканский организм, но носит немецкое название. Вирусы получают имена по месту их первого обнаружения. Марбург – старинный город в Центральной Германии, окруженный лесами и лугами, где в зеленых долинах гнездятся фабрики. Именно там в 1967 году на фабрике под названием «Берингверке», производившей вакцины из клеток почек африканских зеленых мартышек, произошла вспышка вируса. «Берингверке» регулярно импортировал обезьян из Уганды. Вирус попал в Германию, спрятавшись где-то в серии воздушных перевозок мартышек общим числом 500 или 600 животных. Носителями вируса были всего лишь двое или трое животных. Вероятно, у них даже не было заметных признаков болезни. Во всяком случае, вскоре после того как они прибыли на завод Беринга, среди них начал распространяться вирус, и некоторые из них разрушились и истекли

кровью. Вскоре после этого марбургский вирус сменил вид носителя и внезапно перекинулся на людей, населявших город. Вот пример амплификации вируса.

Первым человеком, заразившимся марбургским вирусом, был Клаус Ф., служащий фабрики вакцин «Берингверке», который кормил обезьян и чистил их клетки. Он контактировал с вирусом 8 августа 1967 года и через две недели скончался. О марбургском вирусе известно так мало, что о нем была издана только одна книга – сборник статей, представленных на симпозиуме по вирусам, состоявшемся в Марбургском университете в 1970 году. Из книги мы узнаем, что:

Ухаживающий за обезьянами Хайнрих П. вернулся из отпуска 13 августа 1967 года и занимался уничтожением обезьян с 14 по 23 августа. Первые симптомы появились 28 августа. Лаборантка Рената Л. разбила стерилизованную пробирку, в которой содержался зараженный материал, и заболела 4 сентября 1967 года.

И так далее. Примерно на седьмой день после контакта с вирусом у жертв появлялась головная боль, а затем состояние резко ухудшалось, сопровождаясь сильной лихорадкой, свертыванием крови и смертельным шоком. Несколько дней в Марбурге врачи думали, что начался конец света. В итоге заразился 31 человек; семеро умерли в лужах крови. Уровень смертности от вируса Марбург оказался примерно один к четырем, что говорит о нем как о чрезвычайно смертоносном агенте: даже в лучших современных больницах, где пациенты подключены к аппаратам жизнеобеспечения, Марбург убивает четверть зараженных им пациентов. И, напротив, желтая лихорадка, которая считается высоколетальной, убивает только одного из 20 пациентов, попавших в больницу.

Марбург принадлежит к семейству, известному как филовирусы. Он стал первым из обнаруженных филовирусов. Слово *filovirus* – латинское и означает «нитевидный вирус». Филовирусы похожи друг на друга, словно сестры, и не похожи ни на один другой вирус на Земле. В то время как большинство вирусов представляет собой шаровидные частицы, похожие на перчинки, нитевидные вирусы сравнивают с волокнами запутанной веревки, с волосами, с червями, со змеями. Когда они появляются огромной беспорядочной массой, как это часто бывает при уничтожении жертвы, то выглядят как ванна спагетти, сброшенная на пол. Частицы вируса Марбурга иногда сворачиваются в петли, похожие на зерновые хлопья-колечки. Марбург – единственный известный

кольцеобразный вирус.

В Германии воздействие марбургского вируса было особенно пугающим и напоминало последствия бешенства: вирус каким-то образом повреждал центральную нервную систему и мог разрушить мозг, как это делает бешенство. Частицы марбургского вируса также были похожи на частицы вируса бешенства. Частица вируса бешенства по форме похожа на пулю. Если вытянуть пулю, она начнет выглядеть как кусок веревки, а если свернуть веревку в петлю, она станет кольцом, как Марбург. Полагая, что Марбург может быть связан с бешенством, его называли «растянутым бешенством». Позже выяснилось, что вирус Марбург принадлежит к новому семейству.

Даже от желтой лихорадки, которая считается высоколетальной, умирает один из 20 пациентов, попавших в больницу. Вирус Марбург убивает четверть зараженных им людей.

Вскоре после смерти Шарля Моне было установлено, что в семейство филовирусов входят марбургский вирус и два типа вируса, называемых Эбола. Вирусы Эбола получили название заирского и суданского эболавирусов. Из трех видов филовирусов Марбург был самым кротким, а самым страшным была заирская лихорадка Эбола. Уровень смертности среди людей, инфицированных заирским эболавирусом, составляет девять из десяти. 90 % людей, заболевших заирской лихорадкой Эбола, умирают от нее. Заирская Эбола стирает людей подчистую.

Марбургский вирус (нежная сестра) воздействует на людей примерно так же, как радиация, повреждая практически все ткани организма. Особенно яростно он атакует внутренние органы, соединительную ткань, кишечник и кожу. В Германии все выжившие лишились волос – они облысели полностью или частично. Их волосы отмирали у корней и выпадали клочьями, как бывает при радиационных ожогах. Кровоизлияния происходили из всех отверстий тела. Я видел фотографию одного из умерших в Марбурге, сделанную за несколько часов до его смерти. Он лежит в постели наполовину голый. Его лицо ничего не выражает. Его грудь, руки и лицо испещрены пятнами и синяками, а на сосках стоят капельки крови.

Во время периода восстановления у выживших с лиц, рук, ног и гениталий слезала кожа. У некоторых мужчин раздулись и наполовину сгнили яички. Один из наихудших случаев такого рода произошел в морге, где санитар имел дело с телами, зараженными Марбургом. Вирус также в течение многих месяцев сохранялся в жидкости внутри глазных яблок некоторых жертв.

Никто не знает, почему Марбург имеет особое пристрастие к яичкам и глазам. Один мужчина заразил свою жену Марбургом во время полового акта.

Врачи заметили, что марбургский вирус оказывает странное воздействие на мозг. «Большинство пациентов демонстрировали угрюмое, слегка агрессивное или негативистское поведение, – говорится в книге. – У двух пациентов (было) ощущение, что они лежат на крошках». У одного пациента появилось психотическое поведение, очевидно в результате повреждения мозга. У пациента Ганса О.-В. не было никаких признаков психического расстройства, лихорадка спала, и он, казалось, стабилизировался, но затем внезапно, без предупреждения, у него резко упало артериальное давление – началось разрушение, и он скончался. Врачи произвели вскрытие и обнаружили массивное кровоизлияние в центре мозга, приведшее к смерти. Он «истек кровью» прямо в мозг.

Международные органы здравоохранения были крайне озабочены поиском точного места происхождения мартышек, чтобы определить, где в природе обитает марбургский вирус. Казалось совершенно очевидным, что марбургский вирус не циркулировал естественным образом среди обезьян, потому что он убивал их так быстро, что не мог успешно использовать их как удобного носителя. Следовательно, вирус Марбург жил в каком-то другом хозяине – в насекомом? В крысе? В пауке? В рептилии? Где именно были пойманы обезьяны? В этом месте вирус и должен таиться. Вскоре после вспышки болезни в Германии группа исследователей под эгидой Всемирной организации здравоохранения вылетела в Уганду. Команда не смогла обнаружить точный источник вируса.

Тайна оставалась нераскрытой долгие годы. Затем, в 1982 году, английский ветеринар выступил с новой информацией о марбургских мартышках. Я буду называть этого человека мистер Джонс (сегодня он предпочитает оставаться анонимным). Летом 1967 года, когда вирус распространился в Германии, мистер Джонс временно работал на экспортном предприятии в Энтеббе, откуда в Марбург были отправлены больные мартышки. Он проверял обезьян, пока

постоянный ветеринарный инспектор был в отпуске. Этот обезьянник, которым управлял богатый торговец обезьянами («этакий симпатичный плут», по словам мистера Джонса), экспортировал в Европу около 13 тыс. мартышек в год. Такое большое количество животных приносило большие деньги. Зараженный груз был погружен на ночной рейс в Лондон, а оттуда был доставлен в Германию, где вирус вырвался из обезьян и попытался утвердиться в человеческой популяции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/preston_richard/epidemiya-nastoyaschaya-i-strashnaya-istoriya-rasprostraneniya-virusa-ebola

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)